

Федор
Емельяненко:

**«Важно,
с каким сердцем
ТЫ ВЫХОДИШЬ
на поединок»**

ПАРСУНА — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере «Фомы» — фрагменты «парсуны» Фёдора Емельяненко.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Мало есть людей, которые тебя не знают. Но если бы тебе пришлось представиться, что бы ты о себе сказал на сегодняшний день самое главное?

Емельяненко: Ну, если бы пришлось, я бы представился: Фёдор Емельяненко, кающийся грешник.

Фото Владимира Ештокина

Однажды я случайно попал в Дивеево.

У нас были соревнования, моя команда хорошо выступила, я, конечно, за всех болел, после этого мы отмечали победы. Наутро была поездка, даже не паломническая, а, как нам сказали, экскурсия в Дивеево, ее организовал отец Андрей, с которым мы тогда и познакомились. Поездка эта всё изменила, но поначалу я, конечно, по своему самочувствию хотел отказаться. Даже был момент, когда я говорил: «Пусть все едут, я останусь».

А теперь, когда еду на Афон, у меня уже на пароме невольно расплывается улыбка. Просто такая радость, такой внутренний восторг, что

я назвал бы это минутой счастья. Коснуться этого духа монашеского, помолиться, ходить на все службы, посетить святыни, попросить за родных, за близких молитвенной помощи. И каждый раз — уже четвертый — убеждаюсь, что всё складывается настолько... По секундам — слишком много случайностей. Но, как говорят, кто верит в случайности, тот не верит в Бога. Я не в случайности верю, я верю, что Господь всем управляет.

Часто вспоминаю поездки на Афон, в другие святые места, чтобы опять испытать то чувство, которое впервые испытал в Дивеево. Слава Богу, Господь меня укрепляет. Но я чувствую, когда Он отступает. Или я отхожу своими грехами, может быть. В такие моменты вспоминаю моего знакомого батюшку, который говорил: «Главное — верить, главное — никогда не сомневаться и верить». Даже если мне тяжело, даже если далёк в данный момент от Бога, я прошу, чтобы Господь не оставил меня все равно. Слава Богу, у меня сомнений нет. Иногда падаю. Но знаю, что надо находить в себе силы, чтобы встать и опять всем своим нутром, всем своим сердцем прилепиться к Богу.

Бывают моменты в жизни, когда довериться до конца, на 100 процентов, полностью отпустить ситуацию сложно. Когда знаете, по-человечески считаешь всё и по накатанному пути уже что-то планируешь. Я не говорю о спорте или каких-то боях, но бывают такие в жизни ситуации, когда не знаешь, как поступить, как правильно сделать. И вот тогда сложно полностью довериться Богу. Думаю, здесь нужно перешагнуть через себя и всё-таки довериться. ➔

▼ С супругой Оксаной и старшей дочерью Марией.
Фото из семейного архива

► С дочерью Марией после турнира по смешанным единоборствам M-1 Global «Белые ночи», 2012.
Фото Андрея Пронина/PhotoXpress

О смерти я размышляю с опаской.

Когда всё хорошо, тепло, уютно, то и рассуждать о смерти очень легко, и ее не боишься. Легко сказать: «не боюсь», если ты здоров, если у тебя всё хорошо. А когда возникает определенная ситуация и понимаешь, что не всё закончится, но чувствуешь, что не то чтобы не готов... Я видел, как люди верующие испытывали страх при тяжелых мучениях, в болезни, зная, что их жизнь подошла к концу, я видел — ну, не отчаяние, наверное, но насколько это было тяжело... Все не так просто, оказывается, если не сидя в кресле рассуждать о смерти.

У меня папа отошел уже больше пяти лет назад, и я не потерял, слава Богу, связь с ним, я молюсь за него, поминаю его, и Господь дает чувствовать, что мы не разлучились. Поэтому, наверное, смерть близких переживаю немножко по-другому, не теряю связи с ними. И что касается себя и детей, здесь у меня доверие Богу полное.

▲ На встрече со студентами МГИМО вместе с деканом факультета международной журналистики Ярославом Скворцовым, 2015. Фото Юлии Маковейчук

Единственное тяжело, наверное, доверять, когда рядом с тобой неверующий человек. Даже не то чтобы доверять — очень сильно переживаешь за этого человека и просишь Господа коснуться его души. И вот эта неопределенность, когда не знаешь, что с ним будет, с этим близким тебе человеком, вот что тяжело.

Мне очень тяжело просить прощения.

А вот моя жена — она святой жизни человек. Даже когда я виноват, надуюсь, где-то хожу, она ко мне подходит: «Давай мириться». Тут я начинаю вываливать, в чем она не права... Но когда я прошу прощения, она начинает порхать. Понимаю, конечно, что это у меня по гордости... И надо стремиться, надо делать эти шаги. И в голове каждый раз возникает фраза, что, не имея любви, нужно хотя бы делать дела любви, а любовь придет.

Нам надо учиться любви друг к другу.

Я вот недавно прочитал книгу митрополита Афанасия Лимассольского, духовного чада Паисия Святогорца, он говорит: «Мы забываем, что в Церкви мы должны учить любви к Богу». А отсюда уже все остальные последствия. То есть если ты стремишься к Богу, ты будешь видеть, что тебе мешает. Вот задают вопрос: курить или не курить? Курение — грех или не грех? Обратись внутрь себя, подумай немножко.

«По тому узнают, что вы Мои ученики, что вы будете иметь любовь между собой». Если нам ее где-то не хватает, мы должны больше обращаться к Евангелию. Конечно, не всегда получается, но когда нужно решать, как мне поступить в той или иной ситуации, конечно, прежде всего слушаешь свой внутренний голос и, даже если начнешь отходить, закрывать глаза или идти против совести, все равно стараешься определить, грешно это или не грешно. А вот совершил бы я этот поступок, если бы рядом была моя мама? Или сказал бы эти слова своей жене, или своему ребенку? Наверное, это хорошая проверка.

Важно, с каким сердцем ты выходишь на поединок.

Можно биться, не имея никаких негативных эмоций к своему сопернику: это просто спорт, каждый представляет свою страну. А можно выйти на теннисный корт и ломать ракетки, психовать. Конечно, командные виды спорта — это особая проверка, здесь уже многое зависит от коллектива. Вот отец Василий, убиенный оптинский монах, он был капитаном и душой команды по водному поло. Я читал его житие, «Пасха красная», там говорится, что он был немногословен, сидел в сторонке, но его всегда все слышали, и он был тем самым клеем, который склеивает всю команду.

Без священника на соревнованиях не обойтись.

Я сравню наши соревнования с битвами наших предков, когда, как, например, перед Куликовым сражением, все исповедовались, причащались и шли на бой. Так и здесь — надо очиститься, попросить Божией помощи, и чтобы священник был такой поддержкой, духовной поддержкой. По-человечески мы сделали всё что можно и доверились Богу. Чтобы потом с ума не сойти от радости победы. Или наоборот, не отчаяться от горести поражения. **Ф.**

В строящемся храме св. Александра Невского при МГИМО. Крещенский сочельник, 18 января 2015 года.
Фото Нины Соколовой

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Последний вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Сергей Фудель, наш замечательный церковный писатель, говорил, что есть «темный двойник Церкви». Это связано с нашими страстями, и мы, живя в Церкви, всё равно сталкиваемся с людскими грехами и недостатками. И что делать, когда ты это видишь? С одной стороны, и Спаситель обличал фарисеев, изгонял торговцев из храма. С другой — мы не всегда верно понимаем то, что мы видим. Нужно ли об этом публично говорить, выносить сор из избы, когда мы сталкиваемся с этим плохим в церковной жизни?

Где ты поставишь точку в предложении: «Обличить нельзя промолчать?»

Емельяненко: Я думаю, не всегда надо выносить все на всеобщее обсуждение, потому что сегодня только дай повод обвинить Церковь, обвинить священников или верующих людей. У нас почему-то думают, что Церковь — это непременно святые. А у нас не Церковь святых, и не Церковь грешников, у нас Церковь кающихся, старающихся изменить свою жизнь с Божьей помощью. Мы для этого и каемся, и исповедуемся, чтобы выгрести из себя свою грязь, все свои грехи, чтобы начать заново.

Полную версию «парсуны» Федора Емельяненко, а также откровенные рассказы других известных людей о самих себе вы найдете в книге «Парсуна: неизвестное об известных», которая выйдет в 2021 году.

Фото Владимира Ештокина